

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
 НАШ САЙТ: denlit.ru
 ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

ТЕБЕ, ГОСПОДИ!

Бегу по земле, притороченный к ней.
 Измученный,

к ночи влетаю в квартиру!
 И вижу – Тебя...

И в потёмках – светлей.
 ...Что было бы

с хрупкой планетой моей,
 когда б не явились

глаза Твои – миру?
 Стою на холме, в окруженье врагов,

смотри сквозь огонь
 на танцующий лютик.

И вижу – Тебя! В ореоле веков.
 ...Что было бы

с ширию полей и лугов,
 когда б не явились

глаза Твои – людям?
 И ныне, духовною жадой токим,

читаю премудрых, которых уж нету,
 но вижу – Тебя!

Сквозь познания дым.
 ...Что было бы с сердцем

и духом моим,
 когда б не явились

глаза Твои – свету?
 Ласкаю дитя, отрешась от страстей,

и птицы поют,
 как на первом рассвете!

И рай различим в щебетанье детей.
 ...Что было бы

в песнях и клятвах людей,
 когда б не явились

глаза Твои – детям?
 И солнце восходит –

на помощь Тебе!

И падают тучи вершинам на плечи.
 И я Тебя вижу на Млечной тропе.

...Но что б я успел
 в сумасшедшей судьбе,

когда б не омыла
 глаза мои – Вечность?

Он мог явиться кем угодно:
 лучом разящим, веществом

таинственным, небеснородным,
 в обличе странном, неживом...

Он мог на Землю выпасть снегом,
 цветком немеркнущим расцвести...

А вспыхнул – Богочеловеком!
 Чтоб возвестить Благоую весть:

"Есть! Есть спасенье вашим душам:
 любите Бога, гордитесь..."

Создавший – может и разрушить!..
 Да будет разум ваш ослупный

смирненной жертвенной овцы".

БЕСЫ

Копали землю, хлопали ушами..
 Зимой дремали празднo и хмельно.

...Порожий дом откуплен ингушами,
 а может, курдами.

Не всё ль теперь равно?..
 Был этот дом как пугало на пашне!

Крестьяне этот дом, как воробы,
 сторонкой облетали: хоть и наши,

но всё ж-таки – чужие, не свои..
 Они всегда являлись по субботам –

на "мерседесах", со своей жратвой –
 и жгли костры.

И шашлыки – до рвоты –
 коптили на земле полуживой!..

Они смеялись пламенно и смачно –
 от них тряслись соседние дома.

И денег распечатывали пакчи,
 как будто книг нечитанных тома!

Они с себя цепочки золотые
 срывали и бросали в воду: лезь!

И лезли старики и молодые,
 холодный Волхов истоптавши весь!..

Тебе, Господи!

...На снегоходах
 в тёмный лес влезали,

а возвращались гордо – как с войны!
 И головы лосинные свисали –

с глазами,
 полными смертельной тишины...

Потом их уносили "мерседесы" –
 туда, где им светил златой телец!

И причитала бабка Глаша: "Бесы!..
 И распрямившись

шла, как под венец.

Во дни печали негасимой,
 во дни разбоя и гульбы

спаси, Господь, мою Россию,
 не зачеркни её судьбы.

Она обоглана, распята,
 разъята... Кружит вороньё.

Она, как мать, не виновата,
 что дети бросили её.

Как церковь в зоне затопления,
 она не тонет, не плывёт?

всё ждёт и ждёт Богоявления.
 А волны бьют уже под свод.

ДОРОГА В КОНСТАНТИНОВО

Трава, тяжёлая от пыли.
 Ночь в проводах жужжит, как шмель.

...А ведь Есенина убили,
 Не вызвав даже на дуэль.

За красоту, за синь во взгляде!
 Так рвут цветы, так жнут траву.

Глеб ГОРБОВСКИЙ

Его убили в Ленинграде,
 Где я родился и живу.

И, чтоб не мыслить о потере,
 Снесли тот дом, где он... затих.

Но и в фальшивом "Англетере"
 Витают боль его и стих.

Вчера, сложив печаль в котомку
 И посох взяв опоры для,

Я вышел в призрачных потёмках,
 Тайком из города – в поля,

Туда – в зелёное... Где птицы...
 Где нам глаза его цвели...

За убийного в столице
 Просить пощады у Земли...

ЯЗЫК

Подустали и мысли, и плечи...
 Как ты там ни кипи, ни бурли –

на одном языке – человекем!
 изъясняются люди Земли.

Отчего наша речь зачастую –
 и мелка, и груба, и густа?..

Даже ветры торжественной дуют,
 вдохновенной рокошет вода!

Это рыбы – на рыбьем, ничтожном.
 Это зверь – на своём языке...

Ну, а мы, человеки, – на Божьем –
 и в любви, и в смертельной тоске...

Огородная – благородная
 почва тихая, как музей.

В ней таится судьба народная,
 в ней приметы планеты всей.

Под лопатку что там звякает?
 Не спеши копать – тормозни.

В сей землице товару всякого
 обрётёшь ты и в наши дни.

Гвозди кованые гранёные,
 именная гирька-серьга,

злая звёздочка от будёновки
 и чеканки древней денёга,

штык немецкий, подкова шведская,
 наконецник-рожон копыа,

штоф с орлами, и вдруг – советская
 горе-пуговка от белья.

Пуля-дура, века проспавшая,
 крест натальный, как изумруд...

Словно жизни листва опавшая,
 в землю-матерь ушедший труд!..

Здесь, над Волховом, возле Ладоги,
 на семи ветрах, на бургах

жили смертные, быт свой ладили –
 да святится их дивный прах!

Родную землю и камень любит,
 пичужка, кошка и лютый зверь –

весной, по молодости,
 и в холод лютый...

А я люблю её – и теперь.
 Теперь, когда на плечах мозоли

от лямки жизни... Когда испуг
 во встречах взглядах.

И столько боли,
 и свистит пули, хоть мы кругом.

Когда мертвеют заводы, пашни,
 в чужие страны – исход и бег...

В родную землю – и лечь не страшно.
 Страшней – утратить её навек.

Ещё бы раз влюбиться до удушья,
 до взрыва сердца.

И окостенеть.
 Душа пуста, как высохшая лужа.

Не лезет в рот изысканная снедь:
 ни рбачики, ни пенные менестрелей...

Ещё бы раз – щемящий лёт крыла!
 Чтоб от восторга перья обгорели,

чтоб с тела кожа старая сползла.
 А если нет... Тогда надеть галоси,

Найти в саду холодную скамью...
 Какой мечтой, какую сладкой ложью

сманили годы молодость мою?

К 85-летию Глеба Горбовского

4 октября последнему живому русскому поэтическому гению Глебу Яковлевичу Горбовскому исполнилось 85 лет. В прессе полное молчание. По телевидению – пустота. Похоже, Россия на самом деле кончилась. А ведь наш Глебушка ещё живёт, и даже стишата пописывает. Назло всем.

Его любят элита, его любят русские интеллигенты, его любят блатные. А он всего лишь сочинил песенку:

*Когда фонарики качаются ночные
 И тёмной улицей опасно вам ходить,
 Я из пивной иду,
 Я никого не жду,
 Я никого уже не в силах полюбить...*

После исполнения куплета "Сижу на нарах, как король на именинах" все блатные нервно курят в сторонке. Уважают в народе и песни "У павильона "Пиво-Воды" стоял советский постовой" и "Ах вы груди мои, груди, носят женские вас лужи". 19 августа 1991-го Горбовский поглядел в окно и написал знаменитую каштучку:

*Что за странная страна,
 Не поймёшь какая?
 Выпил – власть была одна,
 Закусил – другая!*

Родился 4 октября 1931 года в Ленинграде в учительской семье. Отец, выходец из крестьянской старообрядческой семьи Яков Алексеевич Горбовский (1900-1992) был репрессирован в 1937. Мать, дочь коми-зырянской детской писательницы Агнии Сухановой Галина Ивановна Суханова (ум. 1996), перед самой войной отправила сына к сестре арестованного мужа в Порхов, который захватили немцы.

Определился в ремесленное училище № 13. Из училища он попал в колонию для несовершеннолетних преступников в городе Маркс, совершил удачный побег. Добрался до Ленинграда, но мать с отчимом к тому времени переехали в Новосибирск, и Горбовский уехал в Кинешму (Ивановская область), где преподавал в сельской школе его сыновний отец, который помог ему оформить паспорт и окончить семилетку.

Восьмой класс Горбовский закончил уже в Ленинграде, затем служил в стройбате (за три года службы двести с лишним суток отсидел на гауптвахте). После армии поступил в Ленинградский полиграфический техникум, откуда был отчислен через два года.

Занимался в литературных объединениях, сначала в ДК профтехобразования у Давида Дара, затем у Глеба Семёнова в Горном институте. В литобъединении Горного института познакомился с Лидией Гладкой, которая стала первой его женой и с которой он потом уже взрывником в геофизическую экспедицию на Сахалин, где проработал несколько лет.

Стихи писать начал в шестнадцать лет, в армии писал песни, одна из самых известных – "Сижу на нарах...". Первая публикация стихов – в волховской районной газете "Сталинская правда" (1955). Первая книга вышла в 1960.

Член СП СССР с 1963 года. С 1974 года пишет также прозу. Был четырёхжды женат (в первом и четвёртом браке на поэтессе Лидии Гладкой), имеет трёх детей.

Его безумно любили и левые, и правые, и евреи, и русские. Иосиф Бродский говорил, что после стихов Горбовского тому же Етушенко нечего делать в поэзии. Виктор Соснора ценил его высочайший поэтический дар.

Глеб Горбовский – это сама суть русской национальной поэзии. Волный русский гений. Немецкий славист высочайшей пробы Вольфганг Козак писал о нём: "Стихам Горбовского присуща приятная музыкальность и намеренно простой подбор слов и рифм, его строки обретают глубину благодаря широте обзора и необычности ассоциаций. Горбовский одержим поисками изначального смысла явлений жизни; его одиночество требует утешения: связь между эпохой и вечностью, реальностью и сказкой, человеком и вселенной постоянно воплощается в новых и новых поэтических образах. Показывая человека с его ответственностью перед самим собой, перед другими людьми и судьбой, Горбовский способен быть выше советской повседневности и от её непосредственного изображения прийти к этим основным жизненным вопросам как символам..."

"Не всемирно гениальный, а сугубо русский", – сказал поэт о себе.

В стихотворении Анатолия Передереева "Бая Белова", где воплотились впечатления о поездке в гости к Василию Белову, в его родную Тимонику, обращают на себя внимание строки о спутниках поэта в этом путешествии:

*С собой мы везли не гостинцы, аaleb,
 И ехали с нами Володя и Глеб.
 Володя,*

*в свой край нараспашку влюблённый.
 И Глеб присмившийся, с душой затённый.*

Володя – это ныне, увы, покойный вологодский прозаик Владимир Широков. А в Глебе безошибочно угадывается отмененный зорким передереевским оком Глеб Горбовский. "С душой затённый".

Он был неприкаянным сызмальства. Его неизбежно ожидала судьба Сергея Есенина, Николая Рубцова или Алексея Прасолова. То, что замечательный русский поэт Глеб Горбов-

ский и сегодня с нами, – и есть чудо, приведшее поэта на путь обретения православного сознания и покаяния за свои, как он сам считает, прошлые грехи. Грехи ли это – не нам судить. Ибо мы и сегодня наслаждаемся ранними стихами грешного Глебушки. Но то, что его поэтическая судьба уникальна даже в своём поколении – отрицать невозможно.

Их судьбы перемешивала сама Эпоха, жестокая и немилосердная. Николай Рубцов, Глеб Горбовский, Игорь Шкляревский, Геннадий Русаков, Валентин Устинов... Этот ряд можно продолжать и продолжать. Сироты, полусироты, детдомовцы, колонисты. Кто они – подранки? окаянные голошуйки? Бог дал им всем немалый поэтический талант, но в придачу к нему бродяжничество, нищета, голод, погибших в войну или расстрелянных в лагерях отцов. Вот они – "серебряный век" детей простонародья...

Если честно, то настоящим простонародьем были их родители, оседлые корневые крестьяне, выбитые революцией из своих гнезд и уже прошедшие искусы городской культуры. Но родителям не дано было по-настоящему расправить крылья, только стали, к примеру, учителями отцы у драматурга Александра Вампилова, поэта Глеба Горбовского, прозаика Леонида Бородин, как загремели в лагеря, но всё-таки, очевидно, они успели ещё до ареста приоткрыть своим детям волшебный мир сокровищницы русской культуры.

Потом уже сами дети охунулись в мир простонародья, их грубо сбросили с высот книжного культурного пространства куда-то в самый низ, отнюдь не в дебри фольклорного корневого русского народа, а скорее в барачную среду. И выбирились они из своих ниш уже самостоятельно, обдирая локти и колени...

Выбирились не сразу. Николай Рубцов, отнюдь не пуританин и не любитель трезвого образа жизни, посетив как-то питерское "дупло" Глеба Горбовского, написал позже об этом посещении в стихах:

*Труцдобный двор. Фигура на углу.
 Мерещится, что это Достоевский.
 И жёлтый свет в окне без занавески
 Горит, но не рассеивает мглу.*

*Куда меня, бедняку, занесло?
 Таких картин вы сроду не видали.
 Такие сны над вами не витали,
 И да минует вас такое зло!*

*...Поэт, как волк, напьётся натошак,
 И неподвижно, словно на портрете,
 Всё тяжёлое сидит на табурете
 И всё молчит, не двигаясь никак.*

*.....
 Он говорит, что мы одних кровей,
 И на меня указывает пальцем,
 А мне неловко вылезать страдальцем,
 И я смеюсь, чтоб выглядеть живей.*

Николай Рубцов, что может показаться удивительным читателям, знакомым с жизнью и судьбой самого Рубцова, сочувствует своему другу, погружённому, по его мнению, с головой в бессмысленную запойную богемную жизнь:

*И думал я: "Какой же ты поэт,
 Когда среди бессмысленного пира
 Слышна всё реже гаснущая лира
 И странный шум ей слышится в ответ?"*

Это на самом деле, очевидно, в жизни Глеба Горбовского было то самое дно бытового распада, где гаснет даже самый крупный талант. По мнению Николая Рубцова, что могло ждать впереди его друга – только скорая и такая же бессмысленная смерть. Кто же знал, что судьба так переменяет карты, и то, что с грустью предвидел Николай Рубцов, глядя на запойный быт своего питерского друга, ожидает его самого? Спустя годы о том же писал совсем юный, несомненно испытывавший в своём творчестве влияние раннего Горбовского уральский поэт Борис Рыжий:

*Пусть ангел смерти, как в кино,
 То яду подольёт в вино,
 То жизнь мою перетасует
 И крести бросит на сукно.*

Так перетасовались карты жизни Рубцова и Горбовского. А в питерском пьяном чаду в "дупле" у Глеба Горбовского Николай Рубцов как бы предвидел дальнейший смертный неизбежный финал подобной окаянности, переживая за собрата, на самом деле до странности близкого ему по изначальной судьбе. Николай Рубцов ещё в 1962 году описывает в стихах печальный итог этого бреда бытия:

*Опять стекло оконное в дожде,
 Опять туманом тянет и ознобом...
 Когда толпа потянется за гробом,
 Ведь кто-то скажет: "Он сгорел... в труде".*

Он горько иронизирует над таким... трудом и предвидит ранний гроб Горбовского как результат всей этой колесницы окаянных запойных дней. Впрочем, Глеб Горбовский и сам в своих стихах играл постоянно в страшную для себя гробовую мертвецкую покойническую игру. Ещё в 1957 году на Сахалине он писал:

*Я умру поутру,
 От родных далеко,
 В нездоровом жару,
 С голубым языком.*

*И в карманах моих
 Не найдут ни копыа.*

*Стану странным, как стих
 Недописанный, – я.*

*И как встарь повелось,
 На кладбище свезут,
 И снесёт моя кость,
 А стихи не сгниют.*

*Без меня хороши,
 Разбредутся, звеня,
 Как остатки души,
 Как остатки меня.*

Ранние стихи Глеба Горбовского – блестящая страница русской поэзии, но было же в тех стихах и постоянное скольжение в могиль-

ный мир. Смертельным исходом поэт как бы хотел порвать с безумием окружающего его быта. Его путь – это был путь расставания с самим собой, изживания себя – бывшего, мерзкого, окаянного, умирания самого себя. И потому ему не страшна была смерть. И потому его жизнь становится похожей на гроб.

*А я живу в своем гробу,
 Табачный дым летит в трубу,
 Окурки по полу снуют,
 Соседи – счастье куют.*

*.....
 Мой гроб оклеен изнутри
 Газетой "Правда", – о, нора.
 Держу всеобщее пари,
 Что смерть наступит до утра.*

Меня всегда поражало какое-то бесстрашие игры Глеба Горбовского с темой собственной смерти. Даже ради разъяснения для себя такого бесстрашия когда-то в молодые годы вместе с тогдашним своим столь же молодым приятелем, поэтом Геннадием Калашниковым, хмельные и бесшабашные, как-то рванули из Москвы в Питер к Глебу Горбовскому на разговор по душам, дабы выснить причины его увлечения могильной темой. Поэт нас с Геней принял, чем-то хорошим угостил, потом мы долго в полубезумном состоянии купились в ледяном осеннем Балтийском море, приходя в себя, но так и не понял я из его тогдашней угрюмости и задумчивой молчаливости – зачем стремится талантливый поэт к мрачному могильным гробовым темам.

*Окутали тело могилой.
 На память оставили крест.
 Дубы распростёрли окрест.
 А где-то в тумане России,
 По-прежнему страшно спеша,
 В ботинках на толстой резине
 Его пропадает душа...*

Понимаю прекрасно, что жизнь с самого детства дарила ему далеко не изысканные сюжеты. Арест отца в 1937 году, война, бродяжничество совсем ребёнком по оккупированной немцами Прибалтике, кругом смерти и смерти. Насмотрелся на трупы с самого детства. А сам Глебушка каждый раз умудрялся выскользнуть из её лап. Привычно жил по касательной к гибели, но чрезвычайно близко... Могли расстрелять немцы за мелкие кражи, мог умереть с голоду или замёрзнуть зимой, могли забить за выпалывание овощей с огородов местные прибалтийские фермеры. Позже он писал: "Верь, что в сорок первом я развился о войну...". Разбился, но выжил. С первых же своих стихов, написанных лет в пятнадцать, магия слова царил в его голове, но слова с доверком чего-то скелетного, гипнотического, рушащегося.

*Что-то было, какие-то смыслы:
 То ли хутор, а может – погост?
 Эти выступы почвы буеристой,
 Словно формулы, буквыи, числа...
 И – трава в человеческий рост.*

Не случайно его отец – камерник, лагерник, найдя его уже после своего освобождения, с учительской и отцовской интуицией боялся его первых же стихов, боялся последующей за такими стихами мрачной судьбы сына. И отец, со своим пониманием русской классики, пронёсённым и через лагерь восторгом перед высоким чудом искусства, был прав.

"... Знаешь! – кричал отец. – Знаешь, чего у тебя нет?! В сочинении твоём литературном? Любви! Любви не слышно... Тепла её милосердного! Накручено, навернено, а любви не слышать!... Это он от любви. Ко мне, к моей судьбе... И вряд ли его тревога вызвана одним только чуждым ему набором слов, которым пользовался я в сочинении... Дело, скорее всего, в дыхании моего письма. Дыхание моего письма показалось ему тяжёлым, отягчённым различными вредоносными примесями. А лёгкого дыхания не получилось. Из-за несвободы моей от... нелюбви. Из-за неочиченности моей крови, нервных клеток и узлов от земных потреснений..."

Как верно сказано самим поэтом в недавних воспоминаниях. Думаю, что и поэтическая компания Иосифа Бродского, Дмитрия Быбшева, Евгения Рейна тоже тянулась к нему, принимая почти за своего, тоже чувствуя в его ранних стихах неизжитую ещё нелюбовь. А пришла зрелость, пришло покаяние "окаянной голошуйки" – все эти поэты сразу от него и отвернулись. Невзлюбили. Сразу же чужим стал.

Глеб Горбовский пишет в автобиографичес-

ких "Остывших следах": "Как видим, сюжеты прихлынули не из язычных. Отсюда, полагаю